

## «МОЯ ЛЮБОВЬ, МОЯ ОБУЗА...»

...Эти слова он написал рядом, так что не имел ввиду — ненужная тяжесть. Он называл так свою нелегкую, мучительную и прекрасную актерскую музу...

Этим стихотворением о ней — его музе — актер Сергей Юрский закончил свой первый большой чтенский вечер, который прошел на днях в Концертном зале.

Удивительная это вещь — талант художника. Кажется, все уже знаешь: и великоленного актера Юрского, и Юрского — своеобразного чтеца, и даже знаешь, что он сам пишет... Но каждый раз при встрече происходят в тебе снова и снова перевороты и открытия, и являются откровения...

Он читал любимое. И было во всем концерте что-то очень личное — его, Юрского — манера держаться, отношение к тому, что читал.

Это, я думаю, очень ценно: при том, что совершенно четко различимы были дух и стиль авторов, столь

отличных друг от друга, сохранилась — тоже очень явственно — личность чтеца, художника, человека, который нас связывал с Пушкиным, и Есениным, Маршакom и Чеховым.

Не нужно сравнивать его чтение «Нулина» с тем, как читал это когда-то кто-то. Дело ведь не в «качестве». Юрскому вся эта история кажется, в общем, смешной, забавной и не очень-то важной. А как к ней иначе относиться!..

...Кто сказал, что «Анна Снегина» — это только про то, как «у этой калитки мне было шестнадцать лет, и девушка в белой накидке сказала мне ласково «нет»? И про это тоже... Но сколько еще пластов поэмы почувствовал и показал нам Юрский, сколько тем разбередил, вынул и отдал в зал! Юрский прочел поэму с какой-то большей значительностью, чем прежде ее читали, и доказал, что она мудрее и шире, чем мы привыкли ее воспринимать... По-французски, — по-мопассановски

легко и элегантно получился рассказ «Награжден». Очень выпуклая, с характерными чеховскими образами «Клевета» вызвала бурную реакцию зала. Зошенковская «Слабая тара», очень смешно прочитанная артистом, проходила под неослабевающим хохотом, а кончилась умной и беспокойной — совсем без смеха — фразой о хитростях подлецов...

Тысячу раз можно слушать, как Юрский читает про мельника, который «ни разу не встречал на ведрах медных шпор», и про бутерброд для короля! Они, эти стихи, начинены юмором, искрятся характерами, трогают милой простотой. Великолепные миниатюры, от которых получаешь не поддающееся пересказу удовольствие!..

С. Юрский сказал, что он не профессиональный чтец. Он актер. Это чувствуется. И очень хорошо! Потому что мимика Юрского, походка, жесты, его актерское — а не чтецкое — внимание к слову удивитель-

но приближают нас к смыслу того, что он читает.

Вот резко оторвал стул от стоявшего рядом и унес в сторону — «на утро они уехали...» Вот гальцами стучит по столу — от задумчивого чтения письма переход к ритмичной долготе дороги... Вот переносит свечку с одного стола на другой — и мы видим разные комнаты с разными людьми...

Провел руками по лицу, пригнулся, беспомощно шевелит губами, посмотрел куда-то далеко... И почувствовалась тоска... Окружили, задавали вопросами присевшие вокруг мужики... Смешно стал оправдываться недалекий человек... И оборвалось, защемило сердце, когда сказал, по-есенински вынимая душу: «Вечер задумчиво-чудный...»

«Моя любовь, моя обуза» — читал Юрский под конец про свою беспокойную и поистине прекрасную актерскую музу...

Э. ЮЛИНА

Омск  
6 Ленинград

17 ИЕН 1965

297